

**NOS4A2. Носферату
или Страна Рождества**

Странная погода

Пожарный

**а также
Ключи Локков**

**FULL
THROTTLE**

JOE HILL
JOE HILL

ДЖО ХИЛЛ
ДЖО ХИЛЛ

ПОЛНЫЙ ГАЗ

**МОСКВА
2020**

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44
Х45

Joe Hill

FULL THROTTLE

Copyright © 2019 by Joe Hill.
All rights reserved.

Published by arrangement with Harper,
an imprint of HarperCollins Publishers

Jacket art and illustration by Alan Dingman

Школа перевода
В. Баканова

Компьютерный дизайн и макет *Е. Тинмей*

Хилл, Джо.

Х45 Полный газ / Джо Хилл ; [перевод с английского Н. Казанцевой и др.]. — Москва : Эксмо, 2020. — 640 с.

ISBN 978-5-04-111831-0

Премия Audie Awards 2020. Шорт-лист премий «Локус» и «Гудридс».

Автор бестселлеров New York Times «Пожарный», «NOS4A2. Носферату», «Ключи Локков» и «Странная погода» возвращается с новой мрачной коллекцией из завораживающих повестей и захватывающих рассказов, включая два рассказа, написанных совместно со Стивеном Кингом, и две истории, по которым уже сняли художественные фильмы. В них Джо Хилл мастерски препарировывает человеческую жизнь и открывает для читателя дверь в фантастический мир.

Мир, в котором в озере можно найти плезиозавра, где мертвые ждут книжные новинки, где банды байкеров танцуют зловещие танцы, а в высокой траве вас подстерегает смерть.

Гипнотизирующая и тревожащая одиссея по скрытым уязвимым местам и мучительным тайнам человеческой психики.

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44

© Н. Казанцева, перевод на русский язык, 2020
© Н. Холмогорова, перевод на русский язык, 2020
© А. Панасюк, перевод на русский язык, 2020
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2020

ISBN 978-5-04-111831-0

Владыке грез.

Райан Кинг,

*я
тебя
люблю*

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие.	9
А кто у нас папа?	
Полный газ	31
В соавторстве со Стивеном Кингом	
Карусель	83
Станция Вулвертон	129
У серебристых вод озера Шамплейн	163
Фавн	197
Запоздалые	253
Все, что мне важно, — это ты	325
Отпечаток большого пальца	367
Дьявол на ступенях	405
Твиты из Цирка Мертвых	427
Мамочки	453
В высокой траве	513
В соавторстве со Стивеном Кингом	
Вы свободны	577
Примечания и благодарности	621
Об авторе	638

ПРЕДИСЛОВИЕ

А кто у нас папа?

Каждую ночь мы имели дело с новым чудовищем. У меня была любимая книга: «Откуда берутся плохие парни». Толстый сборник комиксов, и, как можно догадаться из названия, про героев там не говорилось ничего. Нет, книга включала антологию историй о худших из худших, о злодеях-психопатах с именами наподобие *Мерзость* и лицами под стать именам.

И моему отцу приходилось каждый вечер мне это читать. У него просто не было выбора, вроде сделки Шахерезады. Перестань он читать, я бы ни минуты не оставался в постели. Я бы сразу вылез из-под одеяла с картинками из «Звездных войн» и пошел бродить по дому в трусах со Спайдерменом и с любимым замызганным покрывальцем через плечо; я слонялся бы повсюду и сосал большой палец. В подходящем настроении я мог бродить всю ночь. Так что папе приходилось читать до тех пор, пока у меня не закрывались глаза, — и даже тогда ему удавалось уйти только с обещанием, что он сейчас покурит и вернется.

(Мама утверждает, что причиной моей детской бессонницы стала травма. В пятилетнем возрасте я получил совковой лопатой в лицо и провел сутки в больнице. Это была эпоха ламп с парафином и пушистых длинноворсовых ковров; тогда

курить в самолетах разрешалось, а родителям ночевать в палате вместе с травмированными детьми — нет. Так что в середине ночи я проснулся в одиночестве, не обнаружил родителей и попытался удрать. Медсестры перехватили меня, когда я брел по вестибюлю с голой попой, посадили в детскую кроватку и заблокировали решетку, чтобы я снова не выбрался. Я кричал, пока не сорвал голос. Это настолько удивительно кошмарная готичная история, что, полагаю, все согласятся: она не может не быть правдой. Я лишь надеюсь, что одна из медсестер, склонившись над черной и ржавой кроваткой, в которой я рыдал, прошептала: «Смотри, Дэмиан, это все ради тебя!»)

Мне нравились персонажи из «Злых парней»: они визгливо требовали что-то невозможное и впадали в ярость, когда у них не шли на поводу; они ели руками и рвались покусать врагов. Конечно, я их любил. Мне было шесть лет, и у нас было много общего.

Папа читал мне эти истории, ведя пальцем от картинки к картинке, так что мой утомленный взгляд мог следить за действием. Если бы вы спросили меня тогда, на кого похож Капитан Америка, я бы сказал: на моего папу, ведь он говорит точно так же. И маг Дормамму тоже. А еще Сью Ричардс, Женщина-невидимка, — она тоже говорила специальным, тонким папиным голосом.

Мой папа — это были они все, каждый из них.

Большинство сыновей можно разделить на две группы.

Есть мальчики, которые смотрят на своих отцов и думают: *«Я ненавижу этого чертова суки-*

на сына! Богом всемогущим клянусь, я никогда не буду таким, как он!»

А есть те, кто мечтает вырасти и стать похожим на отца: таким же свободным, таким же добрым, таким же надежным. В этом случае ребенок не боится подражать отцу в словах и поступках. Он боится только, что у него не выйдет.

Мне сдается, первая категория — это каждый ребенок, который потерялся в тени своего отца. Возможно, такой вывод кажется странным, противоречащим логике. В самом деле: парень глядит на отца и мечтает держаться от него во всех смыслах как можно дальше. Какое расстояние вы должны оставить между собой и своим стариком, чтобы окончательно освободиться?

И однако же на каждом перекрестке своего жизненного пути такой парень обнаруживает, что за его спиной стоит тот самый отец: на первом свидании, на свадьбе, на собеседовании при приеме на работу. В любой ситуации выбора он примеряет, как поступил бы отец, — и делает ровно противоположное. И противостояние будет длиться и длиться, даже если отец и сын не разговаривают годами. И к чему хорошему это приведет?

А сын из второй категории, услышав строчку из Шекспира: *«Как радует отца на склоне дней наследников отвага молодая»*, — кивает и думает: ах, черт, как же это верно! Он всю жизнь счастлив: ужасно, бесчестно, банально счастлив. Он волен быть каким желает; он свободен быть свободным, — ведь его отец таким и был. И отец не отбрасывает свою тень на всю жизнь сына. Он, наоборот, становится источником света, и этот

свет позволяет увидеть окружающий сына мир чуть более ясно, найти свой собственный путь.

Я стараюсь помнить, как счастлив я был все это время — и как счастлив до сих пор.

В наши дни мы считаем — и это как бы само собой разумеется — что, если нам нравится фильм, мы можем посмотреть его снова. Купить на «Ай-тюнс», скачать на «Нетфликс», купить диск со всеми дополнительными видеоматериалами.

Однако до года примерно тысяча девятьсот восьмидесятого, если ты посмотрел фильм в кинотеатре, ты, скорее всего, больше ни разу его не увидишь — разве только покажут по телевизору. Ты мог лишь прокручивать в своей памяти сцены оттуда — непрочный, хрупкий, неверный формат, хотя не совсем уж лишенный пользы. Изрядное число фильмов в тумане наших воспоминаний кажутся лучше, нежели наяву.

Когда мне было десять, папа принес домой устройство с лазерным диском, предшественника современных ди-ви-ди. Он тогда приобрел три фильма: «Челюсти», «Дуэль» и «Близкие контакты третьей степени». Двадцать минут счастья на каждой стороне диска. Когда двадцать минут истекали, отцу приходилось вставать и переворачивать диск.

И в то лето мы смотрели «Челюсти», и «Дуэль», и «Близкие контакты третьей степени» снова и снова. Диски лежали не по порядку: мы смотрели двадцать минут про инопланетян, потом двадцать минут, как белая акула откусывает половину человека. Такое лоскутное одеяло. А что? Обезумевший человек ищет спасение от хищника и обращает глаза к темным небесам. Нам нравилось.

Когда тем летом я шел на озеро, то нырял и под водой открывал глаза. Я был уверен, что сейчас увижу, как из густого мрака на меня бросается огромная белая акула. И слышал собственный истошный визг, много раз. А стоило мне остаться в детской, я с ужасом ждал, что мои игрушки заживут уродливой, сверхъестественной жизнью — под действием излучения, порождаемого НЛО.

И всякий раз, когда мы ехали куда-то с папой, мы играли в «Дуэль».

Снятая Стивеном Спилбергом, которому на тот момент исполнилось двадцать, «Дуэль» рассказывала о слабаке и неудачнике из Плимута (Деннис Уивер): в калифорнийской пустыне его преследует невидимый водитель на тяжелом грузовике. Мы не видим преследователя, слышим только рев мотора. Потрясающая работа, показавшая гигантский потенциал режиссера!

Так вот, когда мы с папой ехали на машине, нам нравилось представлять, что тот грузовик где-то у нас за спинами. Едва он настигал нас, папа вдавливал в пол педаль газа. А я дергался на пассажирском сиденье и принимался орать. И конечно, никакого ремня безопасности. Какой был год — восемьдесят второй, восемьдесят третий? Да, и между нами на сиденье — упаковка пива... и когда папа приговаривал очередную банку, она летела из окна на дорогу. Вместе с сигаретой.

Наконец грузовик давил нас в лепешку, и папа издавал пронзительный вопль; машина виляла туда и сюда по дороге — это должно было означать, что мы мертвы. Папа мог целую минуту сидеть с вываленным языком и сбитыми набок очками — для полноты образа. Так мы ездили вдво-

ем: преследование, удар, смерть на дороге — отца и сына вместе. И фура — воплощение Зла и Рока.

Хорошее было время, да.

Папа читал мне про Зеленого Гоблина, а мама — «Нарнию». Ее голос умиротворял (как и сейчас, впрочем), словно первый в году снегопад. Она читала про предательство и жестокую резню ровно с той же спокойной безмятежностью, как и про воскресение и жизнь вечную. Мама не религиозна, однако ты слышишь, как она читает, — и словно паришь в готическом соборе, полном света и безграничного простора.

Вот мертвый Аслан лежит на камне, и мыши грызут веревки, стягивающие его тело. Я полагаю, мое чувство справедливости зародилось именно тогда. Жить достойно — для этого вполне достаточно быть мышью, разгрызающей чужие веревки. Что такое одна мышка? Но если нас много и все мы не жалеем собственных зубов, то, возможно, это позволит уберечь нас всех от худшего. А возможно, спасет нас от самих себя.

С той поры я верю: книги работают по тому же принципу, что и заколдованный шкаф. Вы забираетесь в его тесное пространство — и выходите с другой стороны, в просторный загадочный мир, в место, которое пугает и восхищает одновременно.

Мои родители не просто читали истории — они их еще сочиняли. И так уж получилось, что оба в этом деле большие мастера. Мой папа дважды попадал на обложку «Тайм». Дважды! Его называли главным *букой* Америки. К тому времени Альфред Хичкок уже умер — кто-то же должен был занять его место? Мой папа не возражал.

Стать тем, кто пугает всю Америку, — хорошо оплачиваемое ремесло.

Режиссеры пребывали под впечатлением от идей моего отца; продюсеров очаровывали финансовые перспективы, — так что многие книги оказались экранизированы. Мой отец сдружился с известным независимым кинорежиссером Джорджем Ромеро. Ромеро в некотором смысле придумал зомби-апокалипсис для фильма «Ночь живых мертвецов» и забыл — в некотором смысле — заявить на идею авторские права. И в результате идея — в некотором смысле — не принесла ему богатства. Так что создатели «Ходячих мертвецов» должны быть навечно благодарны Ромеро за то, что он так хорош в режиссуре и так плох в защите своих интеллектуальных прав.

Джордж Ромеро и мой отец раскопали старые комиксы. Мерзкие, кровавые — они были изданы в пятидесятых, до того, как кучка сенаторов и мозгоправов объединились, чтобы их запретить, — и у детей снова наступила скучная жизнь. «*Байки из склепа*», «*Гнездо страха*», «*Ужасный погвал*», вот в таком духе.

Ромеро и папа решили вместе снять фильм — «Калейдоскоп ужасов», — похожий на все те кошмарные комиксы, только в форме кино. Папа даже сыграл в этой картине роль: человека, который подхватил инфекцию от пришельцев и начал превращаться в растение. Съемки проходили в Питтсбурге; полагаю, папе не хотелось сидеть там в одиночестве, поэтому он взял с собой меня, — и мне тоже дали роль. Я играл мальчика, убившего отца с помощью куклы вуду после того, как тот выкинул его комиксы. В фильме моего отца играл